

Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формальных основаниях ограничения прав и свобод человека. На конкретных примерах практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ подтверждается, что творчество судей в форме судебных решений может ограничивать права и свободы, то есть являться формальным основанием их ограничения. Классический перечень формальных оснований, содержащий нормативные акты различных уровней: от федерального конституционного закона и указа Президента РФ до постановления высшего должностного лица субъекта, дополняется судебными решениями. Постановления Конституционного Суда РФ и правовые позиции Верховного Суда РФ, в том числе обзоры судебной практики, по отдельности могут рассматриваться как формальные основания ограничений прав и свобод, тогда как решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отдельности не выступают формальными основаниями ограничений, поскольку действуют адресно. Формальными основаниями они становятся, когда судьи выносят множество решений с одинаковым толкованием (прочтением) правовой нормы, выходящим за ее буквальную интерпретацию и ограничивающим права и свободы человека и гражданина. Сложившаяся судебная практика по ограничению прав и свобод должна отвечать тем же критериям, что и иные формальные основания ограничений, то есть налагать соразмерные, пропорциональные ограничения, соответствующие целям, изложенным в Конституции РФ.

Ключевые слова: ограничение прав; ограничение свобод; формальные основания ограничений; материальные основания ограничений; судебное решение как источник ограничения; нормативные акты высшего должностного лица субъекта; указы Президента РФ; практика Конституционного Суда РФ; практика Верховного Суда РФ; судебная практика.

Для цитирования: Болдырев Н. А. Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 9. — С. 38–46. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.038-046.

Judicial Practice as a Formal Basis for Restricting Human Rights and Freedoms

Nikita A. Boldyrev, Postgraduate Student, Department of Legal Foundations of Management, Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, d. 1, str. 13 (4-i uchebnyi korpus), Moscow, Russia, 119991
boldyrevnikitta@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the issue of the formal grounds for restricting human rights and freedoms. Using the cases from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, the author confirms that judges' creativity in the form of judicial decisions can restrict rights

© Болдырев Н. А., 2023

* Болдырев Никита Андреевич, аспирант кафедры правовых основ управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), г. Москва, Россия, 119991
boldyrevnikitta@yandex.ru

and freedoms, which means that it can be a formal basis for their restriction. The classic list of formal grounds, containing normative acts of various levels (from the federal constitutional law and the decree of the President of the Russian Federation to the resolution of the highest official of the constituent entity), is supplemented by judicial decisions. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the legal standings of the Supreme Court of the Russian Federation, including reviews of judicial practice, can separately be considered as formal grounds for restrictions of rights and freedoms, whereas the decisions of arbitrazh courts and courts of general jurisdiction separately do not act as formal grounds for restrictions, since they act in a targeted manner. They become formal grounds when judges make many decisions with the same interpretation (reading) of a legal norm that goes beyond its literal interpretation and restricts the rights and freedoms of the man and citizen. The established judicial practice concerning restriction of rights and freedoms must meet the same criteria as other formal grounds for restrictions, i.e., impose proportionate restrictions corresponding to the objectives set out in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: restriction of rights; restriction of freedoms; formal grounds for restrictions; substantive grounds for restrictions; judicial decision as a source of restriction; normative acts of the highest official of the constituent entity; decrees of the President of the Russian Federation; practice of the Constitutional Court of the Russian Federation; practice of the Supreme Court of the Russian Federation; judicial practice.

Cite as: Boldyrev NA. Sudebnaya praktika kak formalnoe osnovanie ogranicheniy prav i svobod cheloveka [Judicial Practice as a Formal Basis for Restricting Human Rights and Freedoms]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(9):38-46. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.038-046 (In Russ., abstract in Eng.).

Возможность ограничения прав и свобод человека допускается статьей 55 Конституции РФ в соответствии с определенными целями: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Словом «основания» принято обозначать взаимосвязанные, но различные причины для принятия тех или иных решений. Правовые основания принято разделять на формальные и материальные. Вышеназванные конституционно значимые цели выступают материальными основаниями для введения ограничений. Например, А. А. Переверзев отмечал: «Исходя из целей, ради достижения которых могут ограничиваться субъективные права, определяются те фактические обстоятельства, при наступлении которых возникает необходимость достижения соответствующей цели, в том числе путем ограничения субъективного права»¹.

Формальным основанием выступает нормативный источник, предусматривающий возможность ограничивать права и свободы при наступлении определенных обстоятельств, то есть при наличии материальных оснований. К примеру, Р. Р. Халилов о формальных основаниях в уголовном праве писал: «В правовой сфере формальным основанием выступает сам закон, предписания УК РФ, предусматривающие при наличии определенных обстоятельств то или иное правовое последствие»². Таким образом, формальным основанием ограничения прав и свобод принято считать нормативный акт.

В основных международных актах, посвященных правам человека, содержатся положения о формальном основании их ограничения. Закон упоминается в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом»³. Сходное положение

¹ Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 68.

² Халилов Р. Р. Материально-правовые и формальные основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 118.

³ Российская газета. 05.04.1995. № 67.

содержится в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.: «Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом»⁴.

Законодательство в Российской Федерации не содержит единообразного описания формальных оснований ограничения прав и свобод. В соответствии со ст. 55 Конституции РФ, единственным формальным основанием для ограничения выступает федеральный закон. Однако исследователи, обращающиеся к проблематике формальных оснований вводимых ограничений, не останавливаются только на законе. Например, Е. Ш. Рассолова писала: «Формальным основанием относительных ограничений является Конституция РФ, федеральный конституционный закон, федеральный закон. Формальным основанием абсолютных ограничений является Конституция РФ и федеральный конституционный закон»⁵. В свою очередь, А. А. Подмарев отмечает, что и нормативные указы Президента РФ, и международные договоры также могут быть формальными основаниями⁶.

Действительно, с учетом положений ст. 88 Конституции РФ и ст. 5 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», в соответствии с которыми чрезвычайное положение вводится указом Президента РФ⁷, содержащим перечень временных ограничений прав и свобод граждан, права и свободы могут ограничиваться непосредственно указом Президента РФ, то есть подзаконным нормативным актом.

Практика показывает, что формальным основанием ограничений также может выступать постановление высшего должностного лица субъекта РФ. Примером этому служит постановление Конституционного Суда РФ по проверке постановления губернатора Московской области в период пандемии COVID-19⁸. Ограничение прав и свобод постановлением высшего должностного лица субъекта было допустимо и соразмерно по следующим основаниям:

— во-первых, защита прав и свобод человека, борьба с эпидемиями относятся к предметам совместного ведения Федерации и субъектов;

— во-вторых, Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта было отнесено решение вопроса предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий;

— в-третьих, положения Закона Московской области от 04.05.2005 № 110/2005-ОЗ «О защите населения и территории Московской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» наделяют Губернатора Московской области полномочием по введению режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций⁹.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁵ Рассолова Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 80.

⁶ Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 11.

⁷ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. 15.01.2021. № 6.

⁹ Вестник Московской областной Думы. 2005. № 10.

Одна из проблем отсутствия единообразия в определении формальных оснований связана с тем, что в ст. 23 Конституции РФ о праве на тайну переписки указано, что такое право может быть ограничено только на основании судебного решения. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» в ст. 9 подтверждает это формальное основание, однако именует его несколько иначе: «Проведение контрразведывательных мероприятий, ограничивающих права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, допускается только на основании постановления судьи»¹⁰. Указанные положения расширяют перечень формальных оснований, указывая на возможность ограничить право на тайну переписки и разговоров на основании мотивированного постановления руководителя органа контрразведки или его заместителя.

В научных работах, посвященных формальным основаниям ограничений прав и свобод, не приводится такого основания, как судебное решение, — видимо, потому, что судебное решение в любом случае должно быть основано на норме, которая предусматривает ограничение, а судья лишь использует эту норму в определенном случае. В пользу данной позиции можно также сказать, что судебные решения носят индивидуально-определенный характер, когда как ограничение прав и свобод по смыслу Конституции РФ вводится в отношении неопределенного круга лиц.

Однако В. В. Лазарев считает иначе, а в качестве примера приводит творчество судей Конституционного Суда, которые конкретизируют положения законов в своих постановлениях, тем самым придавая им новый смысл и содер-

жание, в том числе создавая новую правовую норму: «Гражданин является экономически слабой стороной в кредитном договоре и нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость ограничения свободы договора для другой стороны, т.е. для банков». В последующем суды данное ограничение в банковской деятельности многократно подтверждали¹¹.

Особенностью постановления, о котором пишет В. В. Лазарев, выступает отсутствие в резолютивной части указания законодателю каким-либо образом изменить часть 2 ст. 29 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹², на которую ссылались суды в качестве основания для снижения ставки банковского вклада. Наоборот, непосредственно Конституционный Суд РФ в резолютивной части указал: «В отсутствие закрепленных в федеральном законе оснований для снижения процентных ставок по срочным вкладам граждан банк не вправе предусматривать в заключаемых с гражданами договорах условие, позволяющее ему снижать в одностороннем порядке процентные ставки по этим вкладам»¹³.

Конституционный Суд РФ, признав граждан слабой стороной, фактически создал новую норму — право на свободу экономической деятельности и свобода договора для банков были ограничены. Это ограничение является правомерным, так как преследует цели защиты прав и свобод граждан в их отношениях с банками, однако законодатель, конструируя норму, всё же разрешал изменять условия банковского вклада и снижать ставку, а Конституционный Суд РФ изменил правовое регулирование в этой части. Таким образом, постановления Конституционного Суда РФ в некоторых случаях в процессе конкретизации законодательства создают

¹⁰ СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

¹¹ Лазарев В. В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 11.

¹² СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года “О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко» // Российская газета. № 40. 03.03.1999.

правовые нормы, которые ограничивают права и свободы субъектов.

Признание творчества судей одним из источников права, а также возможность появления различных интерпретаций одной и той же нормы не противоречат текущим правовым представлениям, а, скорее, соответствуют духу времени. Как, например, указывал Дж. Б. Уайт, «на самом деле гениальность закона заключается в том, что это не набор “приказов”, а набор текстов, предназначенных для чтения в обстоятельствах, которые в принципе нельзя полностью предвидеть. Значит, что принять законодательный акт или решить дело — или даже составить проект контракта — в определенный момент, зная, что в будущем это будет реализовано другими (или нами самими) в контекстах и значениях, которые мы не можем полностью вообразить. Именно этот факт порождает интеллектуальную и этическую жизнь юридических мыслей и аргументов»¹⁴. Судьи Конституционного Суда РФ в пределах предоставленных им полномочий изменили правовое регулирование отдельного вопроса, исходя из общих принципов права (справедливость и разумность), однако тем самым они не подменили законодателя, но фактически исправили его в части предоставления дополнительных правомочий изначально «сильной» стороне (банкам) в правоотношениях с гражданами.

В свою очередь, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, на первый взгляд, не являются формальными источниками ограничения прав и свобод, так как в полной мере не обладают самостоятельностью в право творчестве и обязаны использовать в своих решениях закон, уже содержащий ограничения. Принадлежность Российской Федерации к континентальной системе права формально не дает возможность стать судебному решению источником права, а следовательно, источником ограничения права, так как роль судьи

не должна сводиться к функции законодателя. Р. Давид по этому поводу отмечал: «Начиная с периода Средних веков считалось, что правовая норма должна иметь доктринальное или законодательное происхождение. Только такая, тщательно продуманная правовая норма в состоянии охватить целый ряд типичных случаев, которые уложились бы в фактический состав конкретного судебного дела. Предоставляется принципиально важным, чтобы судья не превращался в законодателя. Этого стараются добиться в странах романо-германской правовой семьи»¹⁵.

Наоборот, англосаксонское право позволяет судам ограничивать права и свободы на основании судебного решения. Например, Н. А. Перова приводила следующий пример ограничений, введенных решением Верховного суда США: «[Суд] постановил, что будет считаться неконституционной ответственность ответчика за сообщения, опубликованные в связи с дискуссией в обществе, касающейся публичного человека. Это решение фактически не оставило шансов политикам и знаменитостям взыскать убытки за любое оскорбление в пародии, не доказав наличия клеветы. Суд вновь оставил без наказания ответчика, чья свобода слова перевесила право на достоинство оскорбленного истца»¹⁶. В данном деле право на взыскание убытков было ограничено актом Верховного суда США, позиция которого в последующем была обязательна для судов.

Верховный Суд РФ все-таки может ограничивать права и свободы в той области, которая нуждается в правовом регулировании: это подтверждается как судебной практикой, так и позициями ученых. Логичным будет процитировать мнение К. Г. Кузенкова, который отмечал, что решения Верховного Суда РФ признаются источником права, если в ходе правоприменения судом создается новое правоотношение, которое будет последовательно признавать и

¹⁴ White J. B. What Can a Lawyer Learn from Literature? // Harvard Law Review. 1989. № 8. P. 2035.

¹⁵ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1988. С. 134.

¹⁶ Перова Н. А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО. 2011. № 4. С. 264.

использоваться нижестоящими судами. Общеобязательность и многократность применения выступают основными критериями для признания решений Верховного Суда РФ источником права¹⁷. И. А. Чипига писал: «То, что разъясняет Верховный Суд РФ для всех российских судов, оказывает сильное влияние на вынесение решений судами; судьи смотрят, что и как определяет практика Верховного Суда РФ»¹⁸.

Например, Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁹ не содержит оснований для понижения очередности требований кредитора (субординация требований), который взаимосвязан с должником (аффилирован) и выдал должнику заем для компенсационного финансирования в период финансового кризиса. Институт субординации требований контролирующих должника лиц известен зарубежным юрисдикциям, однако российский законодатель не предусмотрел каких-либо прямых оснований для субординации требований. Например, Р. Т. Мифтахутдинов и А. И. Шайдуллин отмечали: «Прямого и полноценного регулирования вопроса о субординации в новейшей истории банкротного права в каждом из трех российских законов о

банкротстве почти невозможно было ожидать, но всё же в них изначально содержались нормы, благодаря телеологическому толкованию которых можно было сформировать практику субординации требований контролирующих должника лиц. Имелись для этого и догматические предпосылки»²⁰.

В настоящий момент банкротное законодательство не содержит конкретных оснований для понижения очередности требований контролирующего лица, однако такие основания упомянуты в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц²¹. Арбитражные суды в делах о банкротстве в качестве нормативного обоснования для понижения очередности ссылаются именно на этот обзор практики Верховного Суда РФ, так как конкретной позитивной нормы в законодательстве нет²². Помимо этого, Верховный Суд РФ своими актами определяет специфику института субординации требований, объем его действия и иные характеристики. Например, правила о субординации неприменимы в делах о банкротстве физических лиц²³, а текущие по смыслу закона

¹⁷ Кузенков К. Г. Судебная практика Верховного Суда РФ как источник права // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 12.

¹⁸ Чипига И. В. Судебная практика и судебный прецедент в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 223.

¹⁹ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²⁰ Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве : научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 5.

²¹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

²² См., например: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.01.2022 № Ф09-8327/21 по делу № А60-15753/2021 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2021 № Ф09-3288/20 по делу № А76-6269/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См., например: определение Верховного Суда РФ от 12.12.2022 № 309-ЭС22-23006 по делу № А50-9453/2021 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 305-ЭС20-14492(2) по делу № А40-192270/2018 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 305-ЭС21-4424 по делу № А40-301015/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

о банкротстве требования (ст. 5) не могут быть субординированы²⁴.

Таким образом, Верховный Суд РФ с помощью обзора судебной практики и вынесения идентичных вердиктов в сходных обстоятельствах допустил в России применение института субординации требований, который не имеет под собой прямого нормативного основания. Данный институт является ограничением прав и свобод юридических лиц, потому что посредством него ограничивается: 1) равенство между аффилированными кредиторами и независимыми кредиторами, поскольку требования первых могут быть понижены в очередности и будут удовлетворены после всех остальных участников дела о банкротстве; 2) свобода экономической деятельности и права участника в деле о банкротстве, так как аффилированный кредитор с пониженным в очередности требованием не вправе голосовать на собрании кредиторов и осуществлять иные значимые действия, доступные только конкурсным кредиторам, включенным в реестр.

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды также могут формировать своими решениями судебную практику, которая ограничивает права и свободы. Конституционный Суд РФ нередко проверял сложившуюся правоприменительную практику и признавал ее соответствующей Конституции РФ. К примеру, в ст. 35 УПК РФ²⁵ изложена возможность передачи уголовного дела по подсудности в связи с отводом судей, сомнением в беспристрастности судей, а также в случае проживания участников не на подсудной территории при условии, что все остальные участники должны быть согласны на изменение подсудности (ч. 1). В части 4 данной статьи Генеральному прокурору (его заместите-

лям) дается право подать ходатайство об изменении подсудности в связи с угрозой личной безопасности участников процесса только при рассмотрении уголовных дел по конкретным, перечисленным составам (бандитизм, вооруженный мятеж и т.п.).

Между тем Конституционный Суд РФ признал конституционной правоприменительную практику, согласно которой дела передаются по подсудности в связи с потенциальными угрозами жизни участников процесса, независимо от уголовных составов (в деле лицо обвинялось в коммерческих подкупах и взятках): «Такое истолкование положений статьи 35 УПК Российской Федерации — как допускающих передачу уголовного дела по подсудности в суд другой территориальной юрисдикции (в том числе действующий на территории другого субъекта Российской Федерации), обусловленную не субъективным настроением конкретных судей, а объективными обстоятельствами, связанными с личностью обвиняемых, их авторитетом, служебным положением, властными полномочиями, которыми они обладали до начала производства по уголовному делу, а также с иными инструментами влияния, которые они могут сохранять на территории, подпадающей под юрисдикцию суда... — направлено на обеспечение публично-правовых интересов надлежащего функционирования и защиты судебной власти и как таковое в принципиальном плане не противоречит Конституции Российской Федерации»²⁶. Таким образом, императивная норма уголовного законодательства, предусматривающая закрытый перечень оснований для передачи дела по подсудности, была интерпретирована судами (судьями) таким образом, что право обвиняемых на рассмотрение дела по подсуд-

²⁴ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.03.2022 № Ф07-20393/2021 по делу № А56-432/2019 ; определение Верховного Суда РФ от 12.09.2022 № 307-ЭС21-6975(9) по делу № А56-432/2019 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.02.2022 № 305-ЭС21-14470(1,2) по делу № А40-101073/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушникова, А. С. Пушкарёва и И. С. Пушкарёва» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

ности (ст. 47 Конституции РФ) было ограничено соразмерно и пропорционально в целях защиты здоровья и жизни участников процесса. Признание правоприменительной практики в качестве соответствующей Конституции РФ ставит такую практику в один ряд с иными формальными основаниями ограничений.

Таким образом, способность судебных решений ограничивать права и свободы не универсальна, так как проявляется только при такой интерпретации нормы закона, которая выходит за рамки нормативного содержания, при этом ограничивая права и свободы соразмерно и пропорционально. В отличие от Конституцион-

ного Суда РФ и Верховного Суда РФ, отдельные правовые позиции (обзоры, постановления) которых могут ограничивать права и свободы, решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отдельности не выступают формальным основанием ограничений, так как действуют адресно в отношении конкретного лица. Но в результате вынесения массы аналогичных решений с идентичной интерпретацией (прочтением), выходящей за рамки нормативного содержания при буквальном толковании, сложившаяся правоприменительная практика фактически становится основанием для ограничения прав и свобод неопределенного круга лиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. — М. : Прогресс, 1988. — 496 с.
2. Кузенков К. Г. Судебная практика Верховного Суда РФ как источник права // Юридическая наука. — 2021. — № 12. — С. 9–14.
3. Лазарев В. В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. — 2018. — № 6 (258). — С. 5–16.
4. Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве : научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 9. — С. 1–136.
5. Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2006. — 172 с.
6. Перова Н. А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО. — 2011. — № 4. — С. 261–267.
7. Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001. — 27 с.
8. Рассолова Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2009. — 196 с.
9. Халилов Р. Р. Материально-правовые и формальные основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник экономики, права и социологии. — 2020. — № 3. — С. 117–121.
10. Чипига И. В. Судебная практика и судебный прецедент в Конституционном Суде РФ и Верховном Суде РФ // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 9. — С. 221–224.
11. White J. B. What Can a Lawyer Learn from Literature? // Harvard Law Review. — 1989. — № 8. — P. 2014–2047.

Материал поступил в редакцию 15 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. i vstup. st. V. A. Tumanova. — M.: Progress, 1988. — 496 s.
2. Kuzenkov K. G. Sudebnaya praktika Verkhovnogo Suda RF kak istochnik prava // Yuridicheskaya nauka. — 2021. — № 12. — S. 9–14.
3. Lazarev V. V. Ogranichenie prava sudebnymi resheniyami // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 6 (258). — S. 5–16.
4. Miftakhutdinov R. T., Shaydullin A. I. Ponizhenie v ocherednosti (subordinatsiya) trebovaniy kontroliruyushchikh dolzhnika ili affilirovannykh s nim lits v rossiyskom bankrotnom prave: nauchno-prakticheskiy kommentariy k Obzoru sudebnoy praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s ustanovleniem v protsedurakh bankrotstva trebovaniy kontroliruyushchikh dolzhnika i affilirovannykh s nim lits, utv. Prezidiumom VS RF 29.01.2020 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2020. — № 9. — S. 1–136.
5. Pereverzev A. A. Osnovaniya ogranicheniya konstitutsionnykh nprav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2006. — 172 s.
6. Perova N. A. Ogranicheniya svobody slova i zashchita prava na dostoinstvo i reputatsiyu v sudebnoy praktike Velikobritanii i SShA // Vestnik MGIMO. — 2011. — № 4. — S. 261–267.
7. Podmarev A. A. Konstitutsionnye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2001. — 27 s.
8. Rassolova E. Sh. Ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ufa, 2009. — 196 s.
9. Khalilov R. R. Materialno-pravovye i formalnye osnovaniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2020. — № 3. — S. 117–121.
10. Chipiga I. V. Sudebnaya praktika i sudebnyy pretседent v Konstitutsionnom Sude RF i Verkhovnom Sude RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2014. — № 9. — S. 221–224.
11. White J. B. What Can a Lawyer Learn from Literature? // Harvard Law Review. — 1989. — № 8. — P. 2014–2047.